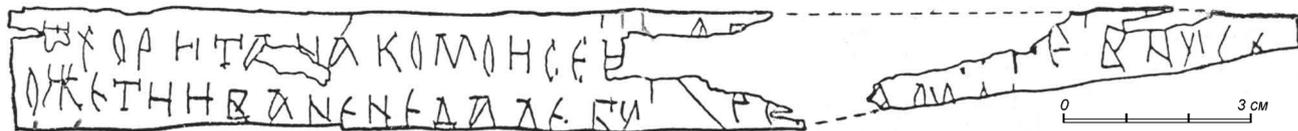

Автор вначале ограничил первый столбец вертикальной чертой (высотой примерно в полторы строки) — вероятно, после того, как написал адресную формулу. И ровно до этой черты доведена вторая строка. Но затем автор по какой-то причине решил отделить второй столбец другой чертой — косой.

Судя по тому, что на верхнем краю грамоты видны кончики букв другого текста, грамота была отрезана от предыдущей, написанной на том же листе.

Прорись, опубликованная в НГБ-VII, в ряде отношений несовершенна. Приводим новую прорись грамоты № 430.

№ 437 (1190-е – 1200-е гг.; Б 115) [Г]. *Вохе* в третьей строке исправлено из *вехе* (вряд ли наоборот: правая дуга буквы *о* прочерчена глубже, чем левая, и буква в целом воспринимается как *о*, а не как *е*).

№ 450 (XII в.) [Г]. В издании о грамоте сказано: «Это вырезанный из начатой, но недописанной грамоты кружок бересты диаметром 4,9 см». Текст передан и прокомментирован следующим образом:

се азъ и л---

д

«Се азъ Ил...» — обычная формула начала духовных грамот: «Се азъ (имя рек), отходя живота своего...», и т. д. Здесь, судя по первым буквам имени, автором текста мог быть Илия, Илиодор, Иларион и т. п.» (НГБ-VII: 51).

На новом снимке видно, однако, что штрих, трактованный издателями как левый склон от *л*, является в действительности царапиной, каких на поверхности кружка немало. При этом буквы *с* и *и* в первой строке одинаково отстоят от края, а *д* во второй строке написано с отступом влево. Это заставляет решительно пересмотреть характеристику документа: перед нами не кружок, вырезанный из недописанной грамоты, а недописанная надпись на кружке, начинающаяся словами: *Се азъ ид...* (или *Се азъ и д...*).

С первым вариантом словоделения текст продолжает напоминать начало духовной грамоты; однако писать духовную на пятисантиметровом кружке бересты никто бы, конечно, не стал. Более перспективным кажется второй вариант словораздела. Он позволяет увидеть в надписи начатую новозаветную цитату: «**Се азъ и дѣти**, яже ми даль Богъ» (Евр. 2: 13)⁹. В святоотеческой традиции эти слова, в Новом завете произносимые Христом, становятся формулой, выражающей духовную ответственность пастыря за своих чад. В этом качестве мы находим их и в рассказе Киево-Печерского патерика о св. Феодосии Печерском: «И глаголаше святыи к себѣ Феодосие: «Приложу ко трудом труды и къ подвигомъ подвигы. Како явитися своему Владыцѣ, стада его добре не упася? Како ли речеши: “Се азъ и дѣти, яже ми дал, Боже”?»» (БЛДР, 4: 340). Более удаленную от непосредственного источника вариацию той же темы содержит и Несторово Житие Феодосия: «Бысть же родителема блаженана преселитися въ инъ градъ Курьскъ нарицаемый, князю тако повелѣвъшыю, паче же реку — Богу сице изволившыю, да и тамо доблягаго отрока житие просияеть, намъ же, якоже есть лѣпо, от вѣстока дньница възидеть, събирающи окръсть себе ины многы звѣзды, ожидающи солнца правдынааго, Христа Бога, и глаголюща: «**Се азъ**, Владыко, **и дѣти яже** въспитахъ духовнымъ твоимъ брашьнымъ; и се, Господи, ученици мои,

⁹ Данное место из Послания к евреям в свою очередь цитирует Книгу пророка Исаяи (8: 17): «Вот я и дети, которых дал мне Господь, как указания и предзнаменования в Израиле от Господа Саваофа, живущего на горе Сионе». За богослужением этот стих поется в составе Великого повечерия, в последовании которого, однако, он не занимает положения, которое оправдывало бы его отдельную запись на бересте в мнемонических целях.

се бо сѣ ти приведохъ, иже научихъ вся житийская презрѣти и тебе, единого Бога и Господа, възлюбити» (БЛДР, 1: 356). Самым же близким к нашей надписи случаем цитации этого места оказывается его использование в поучении новгородского архиепископа Ильи-Иоанна, написанном, как считается, около 1165 г.: «Тако и мы есме попове, а пороученыхъ душъ намъ члвкъ не правити начнемъ, то можемъ ли обрѣсти богатество цр(с)тва небеснаго и тѣхъ довести, о нихже ны есть слово отдати Богу, рекоуще: се азъ и дѣти, яже ми есть даль Богъ?» [РИБ, 6: 354].

В процитированных примерах новозаветная формула используется, подводя итог земного пути священнослужителя, предъявляемый на том свете Христу. Такое ее употребление наводит на мысль: не является ли берестяной кружок с написанным на нем началом библейского стиха своего рода «пропуском» в Царство небесное, то есть не выполнял ли он роли, аналогичной той, какую в православном погребальном обряде выполняет так называемая «разрешительная молитва», вкладываемая в руку покойника и именуемая в народе «пропуском» или «подорожной» (ср. сумму сведений об этой практике в иностранных сообщениях о России XVI–XVII вв. в Успенский 1982: 122–125). Этот обычай, как отмечает Б. А. Успенский, представляет собой собственно русское явление. Он установился после того, как Симон (Шимон) Варяг завещал похоронить себя с молитвой, данной ему Феодосием Печерским: «И оттоле утвердися таковое написание полагати умершимъ, прежде бо сего инъ не сотвори сицевыя вещи в Руси» (БЛДР, 4: 300). В последующие столетия текст разрешительной молитвы претерпел значительные изменения; в его нынешнем виде он, по-видимому, сложился после реформ патриарха Никона во второй половине XVII в. (Успенский 1982: 125). Единственным свидетельством древнейшего периода истории этого текста остается поэтому рассказ самого Киево-Печерского патерика, где текст молитвы цитируется в следующем виде: «Пишет же и сие въ молитвѣ: “Помяни мя, Господи, егда приидеши въ царствии си и въздати хотя комуждо по дѣлом его, тогда убо, Владыко, и раба своего Симона и Георгия сподоби одесную тебе стати въ славе твоей и слышати благы твой глас: «Приидѣте, благословении Отца моего, наслѣдуйте уготованное вам царство искони мира»”» [БЛДР 4: 300]. Как видно из этого текста, молитва, данная Феодосием Шимону, основывалась на евангельском стихе (Лк. 23: 42) и содержала ходатайство к Богу за себя и своих духовных детей — Симона и Георгия. Ту же идею предстояния за своих духовных чад выражают — в том их преломлении, какое находим в Житии Феодосия и Киево-Печерском патерике — и слова Апостола «Се азъ и дѣти, яже ми даль Богъ».

Звеном, связывающим эти слова с киево-печерской традицией разрешительной молитвы, является рассказ Киево-Печерского патерика о св. Нифонте, будто бы записанный со слов самого святого незадолго до его смерти: «Прежде болѣзни своеа трети деньми, пришедшу ми, — рече, — съ заутрении и мало опочивающу, и абие в тонок сонъ сведень бых. И се обретохся въ церьки Печерьской на Святошинѣ мѣсте, и молящу ми ся много съ слезами святѣй Богородици, да бых видель святаго и преподобнаго отца Феодосиа. И събирающимся многимъ братиамъ въ церковь, и приступи ко мнѣ единъ брат и рече ми: “Хощеши ли видети святаго отца нашего Феодосиа?” Мнѣ же отвѣщавшу: “Зѣло желаю, аще възможно ти есть, покажи ми его”. И поимъ мя, введе въ олтарь и тамо показа ми святаго отца Феодосиа. Азъ же, видѣхъ преподобнаго, от радости притекъ, пад на нозѣ его и поклонися ему до земля. Онъ же въстави мя, нача благословляти, и, обиаъ рукама своима, нача любѣзнѣ лобызати мя, и рече ми: “Добрѣ прииде, брате и сыну Нифонте, отселѣ будеши с нами неразлучно”. И дрѣжашу преподобному в руцѣ своей свитоць, мнѣ же просящу его, и яко да вда ми, и разгнувъ, прочтох. И быше в нем написано в началѣ сиць: **“Се азъ и дѣти, яже ми дал Богъ”**. И оттоле възбнухъ, и нынѣ вѣмъ, яко сиа болѣзнъ посещение ми от Бога» [БЛДР 4: 352–354]. Этот эпизод присутствует и в рассказе о смерти Нифонта Ипатьевской летописи ([1156], л. 173 об). Молитва, которую Феодосий, в знак скорого воссоединения в вечной жизни, передает Нифонту, сходна в своей прагматике с данной им варягу Шимону и, как и эта последняя, оформлена в виде грамоты. Но в начале этой грамоты читается та же фраза, которую, как мы считаем, содержит в недописанном виде грамота № 450. Если наша реконструкция верна, документ оказывается древнейшим материальным свидетельством бытования на Руси разрешительной молитвы.

Заметим, что в Новгород данная традиция вполне могла быть принесена Нифонтом, постриженником Киево-Печерского монастыря. На «устав блаженного Нифонта» (иногда отождествляемый с Вопрошанием Кирика) ссылается в цитированном выше поучении и архиепископ Илья-Иоанн.

№ 452 (посл. четв. XII в.; Б 132) [Г]. Вместо прочитанного в издании **сѣатьвжнѣ** следует читать ...**сать кжнѣ**, то есть, очевидно, (поль д)сать кжнѣ.

№ 453 (посл. четв. XII в.) [Г]. Сохранившаяся буквенная последовательность допускает, как кажется, единственно возможную интерпретацию: ...**є [ѣ]ѣлє на ла[ѣ]...**

№ 455+457+459+461 (посл. четв. XII в.; Б 132) [Г]. Отождествление почерков № 455 и № 459 произведено А. А. Зализняком, заметившим, что «фрагменты могли бы быть даже частями единого документа, но прямых свидетельств этого нет» (Попр.-Х: 110). Тот же почерк обнаруживается и во фрагменте № 461. Кроме того, мелкий фрагмент № 457, найденный на одном квадрате с № 459, непосредственно стыкуется с № 455. Тот факт, что глагол в № 459 стоит в единственном числе (*даи*), а в № 455/457 — в двойственном (*въдаита*), не препятствует объединению двух фрагментов: ср. совершенно такое же варьирование форм императива в № 1020: *верешь въдае... а выправита*.

№ 477 (70-е–80-е гг. XIV в.; Г 78) [ГЗ]. Начало пятой строки, прочитанное в издании как **ничимь способити**, в действительности имеет вид **нччимь пособити**, с *ь*, исправленным из начатого *и*. В начале слова *ничимь* писавший по ошибке вместо *ни* написал *ни*.

№ 482 (80-е – 90-е гг. XIII в.; В 27) [Г]. В конце пятой строки прочитывается: **нынѣши[х](о) [уос](оно)**, что хорошо вписывается в контекст: ср. *Ѡвса и лонескоко и нинешнеко* в первой фразе и *старыхо уосопо и нынѣши[х](о) [уос](оно)* во второй. Эта пропорция дает уверенность в реконструкции, несмотря на необходимость предполагать пропуск третьего *н* в *нынешнихо*.

№ 482 [З]. Появление *к* вместо *г* в *лонескоко и нинешнеко*, названное в ДНД₂ странным, ныне уже с уверенностью должно быть включено в серию случаев смешения звонких и глухих согласных, встречающихся в берестяных грамотах.

№ 483 (сер. 60-х – нач. 80-х гг. XIII в.; В 25) [Г]. Значительную трудность для интерпретации представляют заключительные фразы грамоты: *За цето еси 2 гривни Ѡзале мое, лише возми, Захарие, Ѡ попа. Се [ли не] Ѡдасте, да со изросты водасте*. В ДНД₂ они переведены и прокомментированы так:

«То, за что ты взял у меня две гривны, ты только заberi, Захарья, у попа. Если же не отдаст, так [потом] с процентами отдаст».

Автор уже заплатил своему адресату Захарье за некую вещь, которая находится (вероятно, во временном пользовании) у попа, и опасается, что поп не захочет ее отдавать. Поэтому ему прежде всего нужно, чтобы Захарья хотя бы только забрал ее у попа. (Соответственно, многозначное слово *лише* здесь, видимо, следует понимать как ‘только, лишь’).

Автор предпочитает прямо не называть предмет сделки, возможно, потому, что сделка в чем-то не вполне чиста и носит негласный характер» (с. 495).

В такой реконструкции ситуации грамоты смущает как сложность отношений, связывающих ее участников, так и противоречивость модальных установок автора: интонация мягкого упрашивания, с которой он обращается к адресату, не очень вяжется с категоричностью косвенной угрозы попу, выражаемой последней фразой. При этом сама формулировка этой фразы предполагает, скорее, что у попа надлежит взять не вещь,